

Глава 1

*Эссекс, декабрь 1814 года
Поместье герцога Эджфилда*

— Твой дед умирает.

Эти слова словно ножом пронзили Веронику Синклер. Она молча смотрела на свою мать, что принесла горестную весть. Глаза у бедной женщины покраснели: похоже, она несколько ночей не спала. Кажется, еще больше похудела и осунулась? Бедная она бедная — как ей, должно быть, сейчас тяжело!

Вероника судорожно вздохнула. Необходимо преодолеть сердечную боль и быть сильной: сейчас она нужна матери.

— Что говорят доктора? Сколько ему осталось?

Леди Холден хоть и держалась твердо, глаза ее были наполнены страданием. Похоже, душевные силы ее были на исходе. И неудивительно:

как поверить, что ее отец, герцог Холден, всегда такой энергичный и полный жизни, сейчас на краю могилы?

— Совсем мало, — наконец выдавила женщина еле слышно. — Молю Бога, чтобы дожил до Рождества в Уитморе.

Тяжело сглотнув, Вероника кивнула. Дедушка всегда так любил рождественские праздники и в последние годы почти не выезжал из Уитмора, где поселился вместе с женой и дочерью.

Дед Вероники — герцог, мать — маркиза. Совсем юной — девятнадцати лет — она вышла замуж за отца Вероники, маркиза Уитмора. У них родились четверо детей, а затем, семь лет назад, отец скончался. Вероника, старшая из трех сестер, вышла за герцога Эджфилда. Она не стремилась под венец: ей хотелось подождать, присмотреться и найти себе самую лучшую пару — того, союз с кем принесет ей истинную любовь, станет долговечным и счастливым, как супружество ее дедушки и бабушки. По счастью, мама не возражала — ей тоже не хотелось, чтобы дочь повторила ее ошибку. И не ее вина, что, в конце концов, Вероника приняла неверное решение.

Вероника вышла замуж в двадцать два года, полагая, что стала уже взрослой и самостоя-

тельной во всех отношениях. Можно ли было предвидеть, что один неверный шаг разрушит ее жизнь?..

Вероника покачала головой. Что толку ворошить прошлое? Взгляд ее вернулся к скорбному лицу матери. Бедная дорогая мама проделала такой путь — из Уитмора в Кенте до самого Эссекса, — чтобы лично сообщить дочери печальную весть. Из этого было ясно, что дело серьезное, куда серьезнее, чем раньше, когда у дедушки случались проблемы со здоровьем. Ему восемьдесят шесть, и несколько месяцев назад у него был сердечный приступ. С тех пор вся семья тревожилась о нем. В конце концов, дедушка не будет жить вечно, как бы всем этого ни хотелось. Но слишком тяжело знать, что, даже если он проживет еще неделю, это будет его последний праздник: последнее Рождество в Уитморе.

Вероника стиснула зубы, пытаясь справиться со слезами. Мама не плачет — значит, и она не будет, чтобы не усугублять ее переживания. Нет, она должна быть сильной и не выказывать своих чувств. Чему-чему, а этому она за последние два года научилась в совершенстве.

— Как приняли это известие Элизабет и Джессика? — спросила она наконец.

Младшие сестры Вероники, близняшки, жили вместе с матерью.

Леди Холден склонила голову.

— Элизабет — стоически, Джессика очень переживает. Как всегда.

Тень улыбки коснулась губ Вероники. Как знакомо! С виду похожие как две капли воды, по характерам близняшки были полной противоположностью друг другу. В октябре им исполнилось по восемнадцать, и весной они готовились впервые выйти в свет. Элизабет страшится этого как чумы, а Джессика не может дождаться, когда же наконец поедет на свой первый бал.

— А бабушка? — осмелилась спросить Вероника.

Страшно было даже подумать о том, как ее дорогая восьмидесятилетняя бабушка переживает весть о скорой кончине мужа, с которым шла по жизни рука об руку более шестидесяти лет.

— Ничего, держится, — со вздохом ответила мать.

Вероника глубоко вздохнула и опустила невидящий взгляд на свои руки, сложенные на коленях.

— Что ж, завтра я вернусь с тобой в Уитмор и постараюсь устроить дедушке лучшее в жизни Рождество! — на этих словах она попыталась храбро улыбнуться, хоть и догадывалась, что выражение ее лица сейчас далеко от веселья.

— Я не еду в поместье, — выпрямившись, сообщила мать. — По крайней мере, не сразу.

Вероника склонила голову набок и нахмурилась:

— Ты куда-то поедешь?

— Завтра утром отправлюсь в Лондон, чтобы забрать оттуда Джастина.

Вероника нахмурилась еще сильнее. Ее старший брат Джастин, маркиз и холостяк вел разгульную жизнь: большую часть года проводил в своем лондонском особняке, спал до полудня, а ночами развлекался во всевозможных клубах и игорных заведениях. За последние два года Вероника и брат едва обменялись парой слов. И на то была очень серьезная причина.

— Ах да, Джастин, — сухо отозвалась Вероника.

— Твой брат имеет право знать, насколько болен ваш дед, — ровным голосом сообщила мать.

— Разумеется, — согласилась Вероника, устыдившись, что ведет себя как ребенок.

О том, что брат и сестра в ссоре, мать прекрасно знала, но, приезжая в родовое гнездо на праздники, ради дедушки Джастин и Вероника изображали мир и любовь. Разумеется, так будет и в это Рождество.

— Очень хорошо, мама. Значит, завтра мы с Мэри отправимся в Уитмор. Там и встретимся с вами.

Леди Холден кивнула. Затем, аккуратно сложив на коленях изящные руки в перчатках, взглянула дочери в глаза:

— Дорогая, я приехала сюда, чтобы поговорить с тобой с глазу на глаз, еще по одной причине.

Вероника тяжело сглотнула. Этого — настоящей причины ее приезда — она опасалась с той минуты, когда ввела мать в гостиную и приказала подать чаю. Кажется, Вероника догадывалась, в чем дело, и заранее этого страшилась.

Ее мать, миниатюрная и хрупкая, с чуть подернутыми сединой темными волосами, но все еще красивая, умела держаться по-королевски и распорядиться так, что ей невозможно было не повиноваться. Вот и сейчас взгляд ее не дрогнул.

— У твоего деда есть последнее желание, — сообщила она торжественным тоном, соответствующим серьезности момента.

Вероника сжала губы и едва заметно кивнула. Лицо ее оставалось непроницаемым, но внутри все сжалось в тугий комок.

— Он хочет, — продолжила леди Холден, — чтобы на Рождество в Уитмор съехала *вся*

семья. Хочет увидеть *всех*... веселыми, радостными, любящими друг друга... в последний раз.

Вероника словно оцепенела; дыхание застыло в горле.

— Обещаю на протяжении всего праздника быть милой и вежливой с Джастином, если ты об этом беспокоишься.

Но она уже знала: совсем не об этом беспокоится ее мать и не об этом намерена попросить. Вероника предчувствовала, какими будут следующие ее слова, и от одной мысли об этом в горле пересохло и подступила тошнота.

— Я не о Джастине, — уточнила леди Холден, вздернув подбородок и смерив дочь строгим взглядом из-под приподнятых бровей, — так же она смотрела на Веронику много лет назад, когда та ускользнула из поместья ночью, чтобы искупаться в пруду.

Вероника тоже вздернула подбородок; ноздри ее гневно раздувались. Смысла притворяться больше не было, и она поинтересовалась, нервно теребя оборку своего темно-зеленого платья.

— А если он откажется?

Но мать не дрогнула, не отвела взгляд.

— Милая моя, быть может, он негодяй, но все же не полное чудовище. Неужто он посмеет не выполнить последнее желание умирающего?

На языке у Вероники вертелся ответ: «Раз ты так в нем уверена, сама его и попроси!» В конце концов, мать ведь поедет в Лондон, чтобы забрать оттуда Джастина. Почему бы по дороге не захватить к Эджфилду и не поговорить с ним самой? Теще он уж точно не откажет, верно?

Но тут же Вероника нахмурилась. Не откажет... может быть. Честно говоря, она не уверена, что Эджфилд не полное чудовище, но тем не менее не станет просить мать вмешиваться, так было бы нечестно. *Этот человек* — ее проблема, не матери; ей придется разбираться с ним самой.

— Хорошо, — со вздохом сказала Вероника. — Я приеду.

— И?.. — пожелала уточнить мать, не сводя с нее пристальных темных глаз под безупречно изогнутыми бровями.

Стараясь не встречаться с ней взглядом, Вероника с показным легкомыслием тряхнула головой и пообещала, стараясь не думать о том, что понятия не имеет, как выполнить это обещание:

— И сделаю все возможное, чтобы и *его* привезти с собой.

— Это не просто просьба, милая, — уточнила мать таким голосом, какой Вероника слышала у нее всего несколько раз: не допускающим возражений и никакой иной реакции, кроме полного повиновения.

— Если он откажется, не смогу же я похитить его и привезти в Уитмор в цепях! — с ноткой досады ответила Вероника.

— Мне неважно, как ты это сделаешь, — сказала мать и на этот раз в ее голосе промелькнул намек на улыбку.

Сделав последний вежливый глоток чая, она решительно отодвинула чашку и поднялась.

— Что ж, пожалуй, пойду прилягу перед ужином.

Вероника проводила ее взглядом, прижав руку к животу. Внутри что-то неприятно сжималось, желудок выворачивало, к горлу подкатывала тошнота. Чего-то подобного она боялась все эти два года.

Именно столько прошло с тех пор, как она послала мужа к дьяволу, собрала свои пожитки, покинула их лондонский особняк и поселилась в сельском доме. За два года он ни разу там не появлялся, не присылал писем, она его не видела и ничего о нем не слышала... и была этому только рада.